

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-244-250

КОНЬКОВ Илья Алексеевич,
Аспирант 3 курса гр. АЮР-221
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»,
г. Тамбов,
e-mail: ilyakonkov16@gmail.com

ИСТОРИОГРАФИЯ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Аннотация. Статья посвящена анализу историографии и научных подходов к изучению национального правосознания в многонациональной Российской империи XIX – начала XX века. Автор рассматривает основные этапы формирования представлений о правосознании в российской юридической мысли – от дореволюционных правовых философий до советской доктрины и современных междисциплинарных подходов. В центре внимания – методологические трансформации, влияние идеологических рамок, роль культурных и этнических факторов в юридическом анализе. Статья предлагает критическую оценку текущего состояния исследований и обозначает перспективы дальнейшего изучения правосознания в имперском и постколониальном контексте.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, историография, юридическая мысль, этнический фактор, правовая идеология, Российская империя.

KONKOV Ilya Alekseevich,
3rd year postgraduate student gr. AYUR-221
Tambov State Technical University,
Tambov, Russia

HISTORIOGRAPHY AND SCIENTIFIC APPROACHES TO THE STUDY OF NATIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE IMPERIAL CONTEXT (19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Annotation. The article is devoted to the analysis of historiography and scientific approaches to the study of national legal consciousness in the multinational Russian Empire of the XIX – early XX century. The author examines the main stages of the formation of ideas about legal awareness in Russian legal thought – from pre-revolutionary legal philosophies to Soviet doctrine and modern interdisciplinary approaches. The focus is on methodological transformations, the influence of ideological frameworks, and the role of cultural and ethnic factors in legal analysis. The article offers a critical assessment of the current state of research and outlines the prospects for further study of legal awareness in the imperial and postcolonial context.

Key words: legal awareness, legal culture, historiography, legal thought, ethnic factor, legal ideology, Russian Empire.

Вопрос о национальном правосознании народов Российской империи остаётся относительно слабо разработанным в отечественной и зарубежной юридической науке.

Несмотря на наличие масштабных исследований по истории права, правовым реформам и государственной политике в сфере межэтнических отношений, категория правосознания часто оказы-

вается вне аналитического фокуса. Это объясняется как сложностью самого понятия, так и методологической фрагментированностью подходов к его изучению.

На протяжении XIX–XX веков представления о правосознании в России претерпели существенные изменения:

1. От философских построений Чичерина и Кавелина;
2. Через социологические теории Петражицкого;
3. К идеологизированной концепции «правосознания масс» в советский период;
4. И далее – к постсоветской гуманитарной рефлексии и попыткам интеграции социокультурного и правового анализа.

Особое внимание в последние десятилетия стали привлекать интерпретации правосознания как феномена межэтнического взаимодействия, проявляющегося не только в политических, но и в правовых практиках, обращениях, юридической риторике. Однако до сих пор нет единой научной модели, позволяющей учитывать региональный, этноконфессиональный и историко-культурный контекст в рамках правоведения.

Цель настоящей статьи – дать систематизированный обзор историографии и подходов, касающихся национального правосознания в имперском контексте, проследить их трансформации и обозначить ключевые лакуны в исследовательском поле. Задачи:

1. Проанализировать эволюцию понятий правосознания в российской и зарубежной правовой мысли;
2. Охарактеризовать методологические рамки основных подходов (философско-правовой, социологический, культурный);
3. Рассмотреть, как менялось понимание роли этноса и идентичности в юридических интерпретациях;
4. Выявить слабые места существующей научной традиции и предложить направления её дальнейшего развития.

Методология статьи включает историографический и метатеоретический анализ, позволяющий не только реконструировать подходы, но и критически осмыслить их применимость к многонациональной реальности Российской империи.

Формирование научных представлений о правосознании в России началось задолго до появления самого термина в его современном понимании. Уже в юридико-философской мысли второй половины XIX века прослеживаются размышления о восприятии закона, его моральной легитимности и связи между правом и общественным сознанием. Эти идеи, разрозненные и нередко метафизические, заложили интеллектуальные основы для последующих концепций.

Одним из первых, кто предложил философско-правовое понимание национального отношения к праву, был Б. Н. Чичерин. В своём «*Курсе государственной науки*» он писал: «Нация, в своём историческом развитии, вырабатывает идею права, которая становится мерилom государственной жизни» [1].

Для Чичерина право имело не просто нормативный, но ценностно-культурный смысл. Он подчёркивал, что для разных народов характерны разные степени восприимчивости к праву как институту – одни склонны к дисциплине и законности, другие – к вольности и анархии. Это рассматривалось не как упрёк, а как исторически сложившийся правовой менталитет, что впоследствии легло в основу идеи правосознания.

К. Д. Кавелин рассматривал право в тесной связи с народным бытом и исторической традицией. Он выступал против абстрактного понимания права и призывал учитывать «дух народа» как элемент правотворчества. В одном из своих эссе он отмечал: «Истинное право – это не просто текст закона, а то, как он воспринимается народом, как действует в его нравственной среде» [2].

Для Кавелина характерно раннее социологизирующее понимание правовой действительности, где акцент делался на правовом сознании как коллективном феномене. Его подход можно считать предтечей более поздней концепции правовой культуры.

Особое место занимает концепция Л. И. Петражицкого, разработанная уже на рубеже веков. В его работах – прежде всего в «*Теории права и государства*» (1907) – правосознание впервые получило терминологическое и аналитическое оформление. Он писал: «Право – это прежде всего психическое переживание обязательности и дозволенности, возникающее в сознании субъекта» [3].

Петражицкий рассматривал право как интуитивно переживаемую норму, а правосознание – как сложную систему аффектов и убеждений, не сводимых к тексту закона. Хотя его теория была слабо воспринята современниками, она предвосхитила целый ряд идей поздней правовой социологии и культурной юриспруденции.

Таким образом, уже в дореволюционной науке были заложены ключевые компоненты будущего анализа правосознания:

1. Признание исторической и национальной специфики восприятия права;
2. Интерес к моральным, психологическим и культурным основам законности;
3. Попытки описать право не только как норму, но и как социальное и духовное явление.

Однако ни у Чичерина, ни у Кавелина, ни у Петражицкого не было систематического изуче-

ния национального правосознания в имперском многоэтническом контексте. Их теории были ориентированы либо на «русский народ», либо на абстрактного субъекта. Тем не менее, они стали интеллектуальной основой для будущих попыток осмысления правосознания как коллективного, культурно обусловленного феномена.

После революции 1917 года изучение правосознания оказалось под сильным влиянием марксистско-ленинской теории и приобрело выраженную идеологическую окраску. Правосознание перестаёт восприниматься как многоуровневое культурное явление и рассматривается прежде всего как надстройка над экономическим базисом, отражающая интересы определённого класса.

В советской юриспруденции правосознание трактовалось как идеологическое выражение интересов правящего класса. Как писал А. Я. Вышинский: «Правосознание – это сознание, формируемое под действием господствующей идеологии. В буржуазном обществе оно обслуживает интересы капиталистов, в социалистическом – интересы трудящихся» [4].

Такое определение предполагало, что правосознание – не субъективный опыт, а отражение объективной социальной структуры. Оно не анализировалось как феномен культуры, языка или этничности, а лишь как компонент классовой борьбы.

П. И. Стучка – один из основателей советской теории права – подчеркивал активную функцию права: «Революция ломает старое буржуазное правосознание и формирует новое – социалистическое, в котором господствует идея диктатуры пролетариата» [5].

По сути, правосознание здесь выступает как объект воздействия со стороны государства: его нужно воспитать, дисциплинировать, трансформировать. Тем самым была отменена субъектность носителя правосознания, особенно в национальном измерении: единое социалистическое правосознание вытесняло любые этнические, религиозные и региональные формы правовой идентичности.

С 1960-х годов, на волне общего либерализационного сдвига, в советской правовой науке появляются попытки более прикладного и социологического изучения правосознания. Исследователи начинают говорить о правовом нигилизме, юридической грамотности, ценностном восприятии права у разных групп населения.

Однако и в этих подходах национальный и этнокультурный аспекты практически отсутствуют. Правосознание изучается как обобщённая «установка личности» на закон, не учитывающая этническую специфику имперского прошлого. Идея,

что правосознание может быть связано с языком, религией или культурным кодом, по-прежнему считалась идеологически сомнительной.

Советская теория права, несмотря на некоторые попытки развития правосознательной тематики, в целом:

1. Игнорировала этническое разнообразие и правовую историю имперского периода;
2. Редуцировала правосознание до идеологии, лишая его культурной и языковой глубины;
3. Не выработала методологии анализа правосознания как историко-социального феномена, существующего на стыке права, идентичности и субъективности.

Тем не менее, именно в советский период было заложено представление о социальной функции права и о том, что правосознание можно формировать и управлять им, – идея, которая позже была переосмыслена в гуманитарной правовой науке.

После распада СССР юридическая наука в России претерпела значительные изменения – как в содержании, так и в методологии. Одним из главных трендов стал отказ от идеологической однозначности и постепенное возвращение к гуманитарному и философскому осмыслению права. В этом контексте правосознание вновь стало предметом научного интереса, но уже в качестве сложной культурной и социальной категории, тесно связанной с идентичностью, традицией и историей.

В постсоветской юридической теории термин «правосознание» стал использоваться в связке с категориями: правовая культура, правовое поведение, ценностно-нормативная установка личности.

Так, С. С. Алексеев подчёркивал, что правосознание – это не только отражение существующего права, но и канал его трансформации через представления, ожидания, установки граждан. Он писал: «Правосознание выступает как механизм правового самопознания личности и общества» [6].

А. Х. Гаджиев в своих трудах предложил рассматривать правосознание в контексте социокультурной среды, утверждая, что: «Правосознание, как и право, является результатом длительной исторической эволюции и укоренено в коллективной памяти этноса» [7].

Этот подход открыл возможность для включения исторических и этноконфессиональных факторов в исследование юридической ментальности, что особенно актуально при изучении многонациональной империи. Гаджиев подчёркивает, что формальные правовые нормы действуют эффективно только тогда, когда они совпадают с устойчивыми структурами правового восприятия.

Некоторые исследователи, в том числе В. В. Ершов, начали переосмысливать идеи Петражицкого, интерпретируя правосознание как глубинное нормативное чувство, сочетающее интуицию, привычку, ценности и опыт. В его работах прослеживается интерес к правосознанию разных социальных групп, включая этнические и региональные сообщества: «Правосознание народа, особенно в его исторической проекции, невозможно без анализа языковых, религиозных и правовых культурных кодов» [8].

Несмотря на богатство интерпретаций, постсоветская наука о правосознании сталкивается с рядом трудностей:

1. Отсутствует единая теоретическая рамка или согласованная терминология;
2. Методология часто фрагментарна, преобладает описательность;
3. Этнический и исторический аспекты изучаются недостаточно системно;
4. Наследие имперского правосознания как тема почти не исследуется.

Тем не менее, именно в этот период происходит открытие темы национального правосознания как возможного направления междисциплинарного анализа, особенно в контексте правовых реформ, языковой политики и идентичности.

Таким образом, постсоветская наука о правосознании сделала важный шаг в сторону переосмысления права как феномена культуры, что создаёт теоретическую основу для включения в исследовательское поле многонационального и имперского контекста.

В последние два десятилетия в международной академической среде возрос интерес к историческим формам правосознания в Российской империи. Этот поворот обусловлен как общим развитием правовой антропологии, так и усилением постколониальной оптики в отношении имперских обществ Восточной Европы и Евразии. В зарубежных исследованиях правосознание всё чаще трактуется как комплекс правовых представлений, встроенных в культурную, языковую и политическую ткань имперского общества.

Одним из влиятельных направлений стал антропологический подход к праву как к социальной практике, а не только нормативной системе. Так, С. Б. Кирмзе в статье *Law and Society in Imperial Russia* подчёркивает: «В Российской империи право имело множество уровней действия – от официальной нормы до повседневных юридических интерпретаций, обусловленных этносом, сословием, регионом» [9].

Кирмзе обращает внимание на плюрализм правовых порядков, существовавших параллельно: имперское право, обычай, шариат,

раввинская традиция, христианское каноническое право. Национальное правосознание, в этом контексте, – это перекрёсток разных правовых кодов.

Р. Пул (R. Poole) в эссе *A Russian Conception of Legal Consciousness* (2021) рассматривает правосознание в Российской империи как область колониального напряжения между центром и периферией. Он подчёркивает, что: «Право в империи одновременно символизировало цивилизацию и насилие – его принятие не означало согласие, а его отвержение – не всегда означало бунт» [10].

Такая трактовка позволяет говорить о правосознании не как о согласии с нормой, а как о способе существования внутри нормативного давления – с элементами адаптации, маневра, риторического согласия или молчаливого сопротивления.

Р. Werth в монографии *The Tsar's Foreign Faiths* анализирует религиозную политику как форму управления через право, при этом фиксируя, как различные группы (мусульмане, лютеране, католики, иудеи) переосмысливали имперское законодательство в своих юридических традициях [11]. Он пишет: «Религиозные меньшинства не просто подчинялись праву – они вели с ним диалог, осваивали его язык, адаптировали к своему миру».

Этот подход сближает правосознание с понятием символического участия, при котором группы, лишённые полноценной субъектности, используют право как ритуальный и институциональный ресурс.

Зарубежная историография характеризуется вниманием к локальному правовому опыту, включением языка, риторики, культурных кодов в правовой анализ, признанием многоуровневой правовой субъектности, интересом к империи как многоязыковому правовому пространству.

Эти исследования могут существенно обогатить российскую науку о правосознании, особенно при рассмотрении национального и конфессионального измерения.

Несмотря на растущий интерес к теме правосознания, как в российской, так и в зарубежной науке сохраняется ряд методологических и концептуальных ограничений, препятствующих комплексному исследованию национального правосознания в имперском контексте. Эти дефициты проявляются как в неполноте источниковой базы, так и в отсутствии общих категориальных рамок, что ограничивает продуктивность сравнительных и междисциплинарных исследований.

В научной литературе используется множество понятий – «правосознание», «правовая куль-

тура», «юридическая ментальность», «юридическая идентичность» – нередко без чётких различий между ними. Это порождает концептуальную путаницу и делает затруднительным сопоставление разных подходов.

Так, в одних работах правосознание рассматривается как индивидуальное психическое состояние, в других – как историко-культурное явление, в третьих – как коллективная идеология. В результате отсутствует согласованная типология, позволяющая различать, например, крестьянское, бюрократическое, национальное или конфессиональное правосознание в имперской среде.

Несмотря на многообразие этносов в Российской империи, национальный компонент правосознания остаётся на периферии юридических исследований. Как правило, он рассматривается либо в виде обобщённого «духа народа», либо в рамках политической лояльности, но не через призму юридических практик и восприятия норм.

Даже в историко-правовых исследованиях XIX века влияние языка, конфессии, культурной памяти на правосознание этносов практически не анализируется. Это особенно заметно в советских и постсоветских источниках, где идея единообразного правосознания долгое время доминировала над идеей разнообразия.

Для полноценного анализа правосознания необходимы данные из практики правоприменения, судебных дел, петиций, переписки, прессы. Однако: эти материалы фрагментарны, слабо систематизированы, редко анализируются именно с точки зрения языка и риторики.

Особенно остро ощущается недостаток исследований региональных архивов, где зафиксированы локальные формы правовой аргументации и коллективной юридической репрезентации. Практика петиционного письма, юридических жалоб, этнической прессы остаётся мало исследованной как источник выраженного правосознания.

Многие исследования опираются исключительно на юридическую догматику или философию права, игнорируя возможности правовой антропологии, социолингвистики, постколониальной теории. Особенно остро стоит задача включения юридической лингвистики и анализа риторики, что позволило бы увидеть, как этносы не просто «подчинялись» закону, но вели с ним диалог.

Современное изучение национального правосознания требует объединения методов: истории права, культурной истории, социологии и философии права, анализа нарратива, языка и символики.

Без такой интеграции тема будет оставаться второстепенной и недостаточно понятийно

оформленной, несмотря на её важность для понимания имперского правопорядка и политической идентичности.

Таким образом, ключевые методологические дефициты в исследовании национального правосознания заключаются в отсутствии категориального единства, игнорировании этнического фактора, фрагментарности источников, методологической ограниченности, недооценке роли языка и нарратива как носителей юридического сознания.

Исследование эволюции научных подходов к понятию правосознания позволяет сделать вывод: от дореволюционных философско-исторических интуиций до современных гуманитарно-правовых концепций путь оказался не только длительным, но и противоречивым. Особенно остро это проявляется в контексте национального правосознания, которое до сих пор остаётся на периферии отечественной юридической науки.

Дореволюционная мысль (Чичерин, Кавелин, Петражицкий) заложила основы понимания правосознания как ценностного и культурного феномена, но была ориентирована преимущественно на абстрактного или «великорусского» субъекта.

Советская правовая теория интерпретировала правосознание как отражение классовой идеологии, исключив из анализа культурное и этническое многообразие. Вместо диалога с традициями происходила унификация юридического восприятия.

Постсоветская юриспруденция вернула интерес к правовой культуре и субъективному правовому опыту, но ещё недостаточно систематизировала этнические, исторические и лингвистические особенности правосознания.

Зарубежные исследования активно развивают междисциплинарный подход, обращая внимание на правовой плюрализм, язык права, нарративы идентичности. Российская наука может многое перенять из этих подходов.

Чтобы национальное правосознание стало предметом полноценного научного анализа, необходимо:

1. Включение этнического и конфессионального измерения в исследования правовой культуры Российской империи;
2. Разработка категориального аппарата, позволяющего различать типы правосознания: бюрократическое, крестьянское, этническое, региональное;
3. Применение юридической лингвистики и анализа риторических стратегий, особенно при изучении петиций, жалоб, административных документов;

4. Развитие архивной базы и кейс-стадий, с акцентом на региональные и национальные практики взаимодействия с законом;

5. Построение моделей трансформации правосознания в условиях модернизации и смены политических режимов.

Национальное правосознание как объект изучения на стыке права, культуры и истории позволяет:

1. Переосмыслить имперскую политику легитимации и включения;

2. Выявить скрытые формы правового участия этносов в условиях правовой асимметрии;

3. Раскрыть механизмы правовой адаптации, маневра, сопротивления и ритуального согласия.

Эта категория открывает путь к неформальной истории права, где в центре оказывается не система норм, а система смыслов, вырабатываемая и воспроизводимая различными группами внутри империи.

Статья представляет собой попытку целостного историографического и метатеоретического осмысления национального правосознания в контексте многоэтнической Российской империи XIX – начала XX века. Научная новизна заключается в том, что автор обосновывает необходимость переосмысления правосознания как междисциплинарной категории, выходящей за рамки правовой догматики и включающей культурные, языковые и идентификационные аспекты. Предложены оригинальные аналитические понятия – «юридическое риторическое маневрирование» и «символическое участие в праве», которые позволяют по-новому рассмотреть правовые практики этносов в условиях правовой асимметрии. Впервые проведена систематизация научных подходов – от Чичерина и Петражицкого до современных постколониальных исследований – с фокусом на правосознание как инструмент включения, адаптации и сопротивления.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке образовательных курсов по правовой культуре, истории российской государственности, сравнительному правоведению, а также в исследовательских проектах, посвящённых межэтническим отношениям, правовой социализации и культурной памяти. В практическом аспекте выводы статьи могут помочь в анализе современных проблем правовой идентичности в полиэтнических государствах и при разработке правовых стратегий, учитывающих специфику исторического правосознания. Кроме того, статья может быть полезна при подготовке архивных кейс-стадий и междисциплинарных исследований на стыке права, истории и лингвистики.

В дальнейшем особую научную значимость представляет разработка типологии национальных форм правосознания на основании региональных и этноконфессиональных различий. Требуют отдельного изучения языковые и риторические особенности правовых текстов – петиций, жалоб, судебных актов – как источников правосознания. Перспективным направлением является расширение эмпирической базы за счёт анализа локальных архивов и включение методов юридической лингвистики, нарратологии, культурной антропологии. Особое внимание может быть уделено сравнительным исследованиям правосознания в различных имперских пространствах – Российской, Османской, Австро-Венгерской империях – как площадке для формирования новых теоретико-правовых подходов.

Таким образом, историографический обзор показывает: национальное правосознание в имперском контексте требует нового методологического внимания. Только в рамках интеграции права, истории, языка и культуры возможно раскрыть его как полноценный научный объект, имеющий не только теоретическое, но и прикладное значение – для понимания правовых реформ, кризисов идентичности и путей эволюции правового порядка.

Список литературы:

- [1] Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. – М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894. – Т. 1. – С. 235. (дата обращения 15.10.2023).
- [2] Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Русская мысль. – 1882. – № 9. (дата обращения 15.10.2023).
- [3] Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Общественная польза, 1907. – С. 78–79. (дата обращения 15.10.2023).
- [4] Вышинский А. Я. Теория государства и права. – М.: Юридиздат, 1949. – С. 73. (дата обращения 15.10.2023).
- [5] Стучка П. И. Революция и право. – М.: Госюриздат, 1921. – С. 52. (дата обращения 15.10.2023).
- [6] Алексеев С. С. Теория права. – М.: БЕК, 1994. – С. 73. (дата обращения 15.10.2023).
- [7] Гаджиев А. Х. Правовое государство: теория и практика. – М.: Норма, 2013. – С. 111. (дата обращения 15.10.2023).
- [8] Ершов В. В. Правосознание и правовая культура: философско-правовой анализ. – М.: Юрист, 2016. – С. 144. (дата обращения 15.10.2023).
- [9] Kirmse, S. B. (2012). Law and Society in Imperial Russia. *InterDisciplines*, 3(2), 115–138. (дата обращения 15.10.2023).

[10] Poole, R. (2021). A Russian Conception of Legal Consciousness. Canopy Forum. URL: <https://canopyforum.org/2021/10/29/a-russian-conception-of-legal-consciousness/>. (дата обращения 15.10.2023).

[11] Werth, P. W. (2014). The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press. (дата обращения 15.10.2023).

References:

[1] Chicherin B. N. Kurs gosudarstvennoj nauki. – M.: Tip. M. G. Volchaninova, 1894. – T. 1. – S. 235. (дата обращения 15.10.2023).

[2] Kavelin K. D. Mysli i zametki o russkoj istorii // Russkaya mysl'. – 1882. – № 9. (дата обращения 15.10.2023).

[3] Petrazhickij L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. – SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1907. – S. 78–79. (дата обращения 15.10.2023).

[4] Vyshinskij A. YA. Teoriya gosudarstva i prava. – M.: Yuridizdat, 1949. – S. 73. (дата обращения 15.10.2023).

[5] Stuchka P. I. Revolyuciya i pravo. – M.: Gosyurizdat, 1921. – S. 52. (дата обращения 15.10.2023).

[6] Alekseev S. S. Teoriya prava. – M.: BEK, 1994. – S. 73. (дата обращения 15.10.2023).

[7] Gadzhiev A. KH. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – M.: Norma, 2013. – S. 111. (дата обращения 15.10.2023).

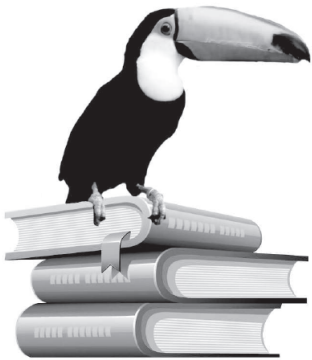
[8] Ershov V. V. Pravosoznanie i pravovaya kul'tura: filosofsko-pravovoj analiz. – M.: Yurist", 2016. – S. 144. (дата обращения 15.10.2023).

[9] Kirmse, S. B. (2012). Law and Society in Imperial Russia. InterDisciplines, 3(2), 115–138. (дата обращения 15.10.2023).

[10] Poole, R. (2021). A Russian Conception of Legal Consciousness. Canopy Forum. URL: <https://canopyforum.org/2021/10/29/a-russian-conception-of-legal-consciousness/>. (дата обращения 15.10.2023).

[11] Werth, P. W. (2014). The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press. (дата обращения 15.10.2023).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.